

СМЕХАЧ

Рис. А. Радакова

ГОЛОВОКРУЖИТЕЛЬНЫЙ КЛИМАТ

В Ялте выпал снег.

— Снег на голову? Это, все-таки, лучше, чем... дом на голову!..

„У КАМИНА..“

ГОСПОДИ, ПОМИЛУИ!

I.

Патер Генрих фон дер Клуган
Огорошен и испуган.
Шепчет: „Господи, помилуй!“
И украдкой крестит лоб.
Это адской власти дело:
Приезжает госкапелла
На гастроли из России,
Из страны большевиков!
А фашист барон фон Отто
Приготовился в два счета
Встретить свистом и скандалом
Неожиданных гостей.
Мы устроим красным штучку!
Взявши патера под ручку,
Вместе с ним спешит он в кассу —
Взять билеты на концерт.
И, входя с тревогой в зало
За минуту до начала,

Оба прячут незаметно
Полицейские свистки.

Шепчут: „Господи, помилуй!
Дай нам храбрости и силы.
Не позволяй гостям проклятым
Сеять дьявольское зло.“

II.

Госкапеллы выступления,
Затаив в сердцах волнение,
Ждет притихший и до края
Переполненный театр.
Многим нервы страхом сжало,
Ждут „Интернационала“
Иль других крамольных песен,
Что поют в СССР.
Фон дер Клуган и фон Отто,
Проливая реки пота,

В кулаках своих сжимают
Дребезжащие свистки.

Мы своей достигнем цели!
Свиста режущие трели
Помешают петь проклятым
Слугам ада и чертей.

Начинают. Льются звуки...
Поднимают дружно руки
Фон дер Клуган и фон Отто
И подносят их... ко лбам!
Потому что дело чисто.
Обойдется и без свиста.

Для попа и для фашиста
Сладок всеобщий напев!
„Госпо... Госпо-ди, по-милуй!“
Бог развеял злые силы
И разверз уста нечистых
Во спасение души.

Андрей Иркутов

И Д Е Я

С некоторых пор внимание прохожих на улице, где помещается шестидесятая школа ХОНО, стали привлекать к себе странные очереди ребят, которые тянулись неизменно, огибая здание, от школьного подъезда к штабелю дров во дворе. Юные граждане, стоявшие в очереди, имели загадочный вид; они ежились, морщились, нетерпеливо топтались, переступая с ноги на ногу, на своих местах и так решительно и мрачно сжимали ноги в коленках, точно всех их поразило одновременно жестокий приступ хронического ревматизма. Их лица выражали страдание, и эксцентричные их телодвижения напоминали пляску диких над скальпом, снятым с головы врага.

Известно, что различные божьи старушки без числа шляются теперь по городу в поисках места, где бы постоять в очереди. Увидев очередь, они становятся в хвост, не спрашивая даже, что дают в магазине, но рассуждая так, что ежели очередь стала, значит дают такое, чего в лавках мало и чем не грех на всякий случай запастись. Часто эти старушки подходят парами, и тогда первая, поставив вторую в хвост, озабоченно говорит:

— Ну, вы станьте, Анастасья Ивановна, а я пойду узнаю, чего дают.

Но у школы ХОНО очередь была исключительно детская, и это ввергало проходивших старушек в недоумение; они подходили узнать и расспросить, но ребята загадочно молчали почему то, отворачиваясь и потупляя глаза. Было странно, что на секунду исчезая за дровами, они появлялись оттуда, ничего не имея в руках, но с сияющими и отражавшими высшую степень блаженства и тихой радости лицами. Они не исполняли уже танца диких и не сжимали коленок, но шли спокойно, с удовлетворенным видом людей, только что вырвавших больной зуб у дантиста.

Старушки были заинтригованы. Сказать бы, что там давали горячие завтраки, — так уж слишком быстро они завтракали; и потом почему бы завтраки раздавали за дровами во дворе? Сказать бы, что это экскурсия, или проработка природных явлений по комплексному методу, — так что же там прорабатывать, в сорном углу между двух кирпичных стен? Старушки терялись в догадках и шныряли с кошельками вокруг школьного забора, стараясь проникнуть к таинственным дровам. Одной из них удалось, наконец, резво перепорхнув через изгородь, добраться до загадочного закоулка. Она вышла оттуда, ругаясь и отплевываясь, и кричала на всю улицу, перелезая обратно через забор,

что, конечно, нечего было там и ждать хорошего, потому что в теперешних школах ничему, кроме пакостей, учить не могут.

Конечно, за дровами не давали завтраков и там не прорабатывались по комплексному методу явления природы. Наоборот, заведующий школой, до самых глубин педагогического сознания проникнувшись вдруг в один прекрасный день мыслью о необходимости беспощадной экономии скудных наркомпросовских средств — решил закрыть уборную в школе. Если кому нужно, говорит, могут дома управляться. Дело, говорит, молодое, сознательный ребенок и потерпеть может, будучи спартански воспитан и имея в виду общие интересы народного хозяйства республики. Одной воды, говорит, 120 ведер в сутки уходит, а стране, говорит, электрифицироваться нужно, — сколько, подумайте, от этой воды, если ее рационализировать, энергии может получиться?

И уборную закрыли, и воцарился тихий ужас, и плач и стелание в рационализированных стенах семилетки ХОНО. Педагоги стали мрачны и, чтобы дать выход переполнившим их чувствам, надели на комплексы с небывалым ожесточением; на уроках они держали себя странно, нервничали, то вставали, то вскакивали вдруг, и в глазах у них была тоска. Ребята проявляли небывалую рассеянность и полное безразличие к теории о свойствах гипотенузы и истории пунических войн, и дождавшись звонка, гурьбой бросались из класса, давясь в дверях, как на пожаре; они не оказались спартамцами и сознательными в той мере, в какой призывал их к этому заведующий, и после трех уроков все мчались, не выдерживая, к штабелю дров в палисадник. Перемены были малы, и они спешили занять первые места в очереди; счастливые, которые успевали до звонка, возвращались сияющими. Хуже, конечно, приходилось педагогам, призванным показать пример спартанского терпения и сознательного отношения к экономическим интересам страны; но они мужественно несли крест, избегая за утренними завтраками всего, что могло бы вызвать потом бунт в их душах и перистальтику в их показательных кишках.

По рукам в школе пошла вскоре протестующая статья с эпиграфом и цитатами из Достоевского о том, что у каждого человека должно быть место, куда бы он мог пойти. Статья имела шумный успех, но ни к каким конкретным результатам не привела. Уборной не открыли, а в изнывающие школьные низы была пущена вторая, инспирированная и назидательная статья, где проводилась общая мысль, что не только уборной жив человек, но и духовными интересами и жаждой знаний, почерпнуть которых в закрытом этом уголке все равно было нельзя.

Трезвая идея сбережения наркомпросовских средств окончательно восторжествовала в школе ХОНО. И по сей час прохожие наблюдают с изумлением странные очереди танцующих ребят во дворе. Божьи старушки спрашивают с любопытством, просовывая сквозь прутья ограды сморщенные свои лица:

— За чем стоите, деточки?

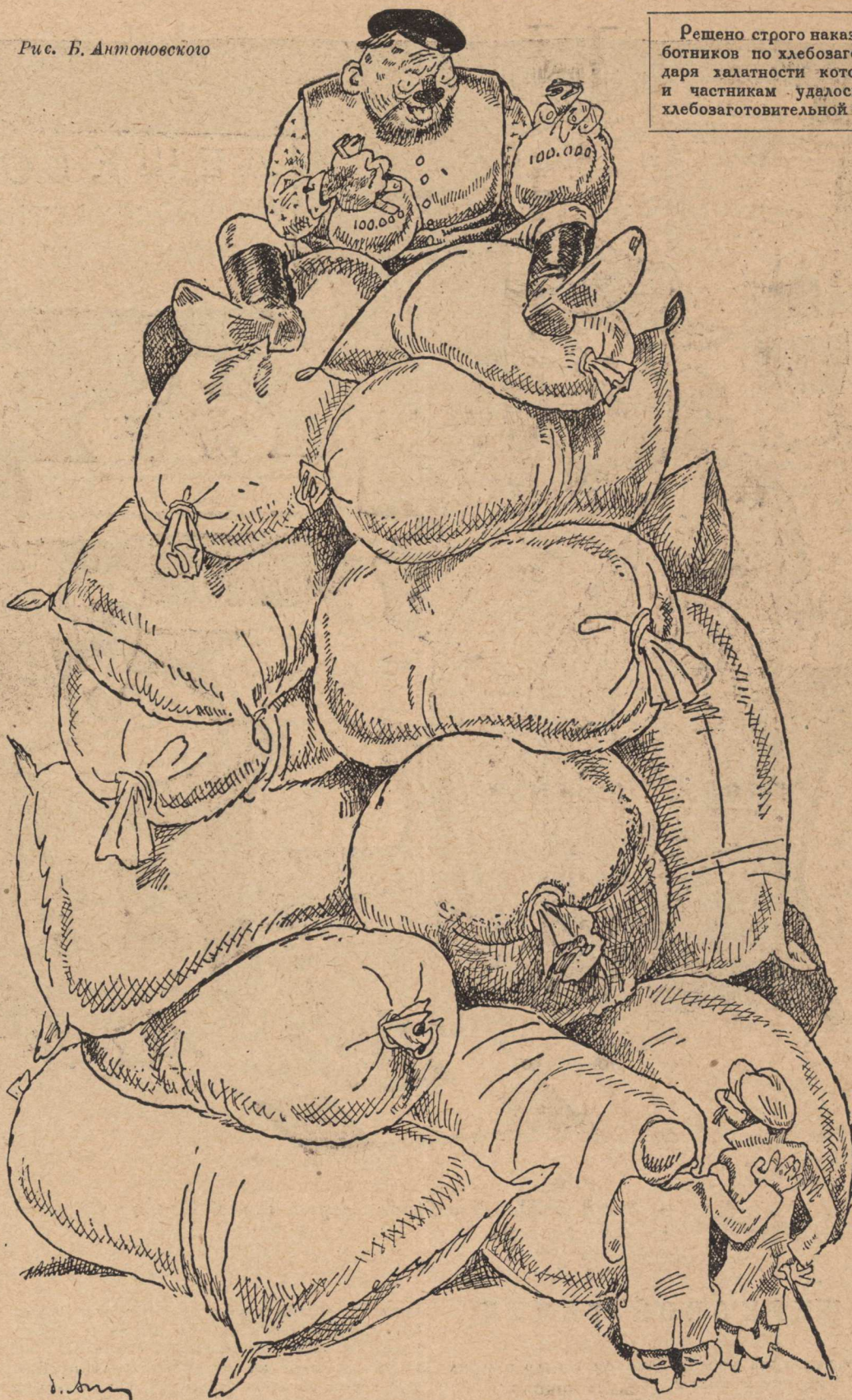
И ребята отвечают хмуро, опуская глаза:

— За чем надо, за тем и стоим. Проходи, бабушка, ничего тут интересного нет...

А. Зорич

В МЕШОК ТАКИХ С МЕШКОВ!

Рис. Б. Антоновского

Решено строго наказывать тех работников по хлебоготовке, благодаря халатности которых кулакам и частникам удалось повредить хлебоготовительной кампании.

— Неправда ли: совсем похоже на памятник?
— Да. На памятник нашей служебной карьере.

БОС

Б Ю Р О
ОБСЛУЖИВАНИЯ
„СМЕХАЧА“

БОС

ЧИТАЙТЕ В ЭТОМ НОМЕРЕ НА 6 и 7 стр.

— Ваша мебель безобразно дорого стоит! К чему тогда этот плакат?
— Для мебели...

ЦИРКОВОЙ ГЕНИЙ

Заведующий уполитпросветом горячо говорил директору цирка:

— Ну, сами посудите! Чем отличается ваш репертуар от дореволюционного, от того, что был 100 лет тому назад? Надо осовременить! Влить советскую струю! Бодрящую, свежую!

— Струю! — покачивая головой, сказал директор. — А где эту струю раздобыть? Конь, — он конем на всю жизнь и останется! От диктатуры пролетариата у его пятая нога ни почем не вырастет! Или шпагоглотатель, скажем. Не станет же он, ради уполитпросвета, шницеля вместо шпаг лопать?

— Словом, тов. Джон Бубличенко, вы меня поняли? — перебил уполитпросветчик директора.

Вздыхнув, директор ушел. Он по опыту знал, что задача была нешуточной. Но недаром Джон был факиром черной, белой и красной магии! Просидев вечер за бутылкой, директор придумал блестящую программу...

Это было в день открытия цирка. Когда после бравурного марша на арену выбежала грузная лошадь с наездником на седле, раздался вдруг зычный голос:

— Номер I. Инсценировка борьбы хозяйчика с работницей. Хозяйчик — жокей работница — ло-

шадь. Как видите, хозяйчик хочет крепко жазать трудящуюся в своих стременах. Он хочет выехать на чужих ногах, на трудовой спине. Но ах! Работница стала на дыбы! Хозяйчик пробует еще крепче обуздать работницу. Он заставляет ее пасть даже на колени, но последний удар хлыстом и... ура!!! Работница с пеной у рта уносит хозяйчика с манежа! Куда? В трудсессию! Долой хозяйчика!

Номер II. Музыкальные эксцентрики Пип и Пуп изобразят козни наших врагов в звуках. Пип — Чемберлен, Пуп — СССР. Чемберлен играет на дудке. Он думает, что под эту дудку спляшет СССР. Но смотрите! Эта злая идея не вытанцовывается. Зачем СССР плясать под чужую дудку, когда у него свой инструмент — труба? Вот это именно та труба, в которую вылетит вся империалистическая братия. Под трубные звуки „По напарасну Остя ходишь“, Чемберлен сходит с полит-арены. Долой!!! Прочь!!!

Номер III. Показательный авиахимический номер. Воздушные акробаты Трио Карудзе завоёвывают воздух, как птицы безбожные. Воздух их стихия. Жертвуйте и вы на аэропланы. Берегите воздух — достояние народа. Не портите его — эту арену нашей защиты. Ураа!

Номер IV. Факир. Ест лягушек, стекло, пьет керосин, глотает шпаги и все, что хотите. Обратите внимание на этого новейшей-

шего человека. Через рабстоловое меню, от гвоздя он дошел до шпаги! От таракана до лягушки! От клюквенного кваса до керосина. И проделав этот путь, он теперь не нуждается ни в жалобных книгах, ни в диете, он — друг своего желудка и друг Нарпита! Берите с него пример, и это поможет вам уйти от чадных плит к общественному питанию! Живие Нарпиту! Наздар!

Номер пятый. Международный чемпионат французской, вольно-американской, шведской и прочей борьбы. Как говорится, „в борьбе обретешь ты право свое!“ Это зрелище дается, как воспоминание о кошмарном прошлом, когда народы боролись друг с другом в кровопролитных боях. Сейчас наступает братство народов. И в светлом международном будущем исчезнет с мировой арены борьба между сильным и слабым. Исчезнет пристрастное жюри с его подстроенными результатами. Оркестр!!! Гимн Труда!!!

* * *

Я не знаю, был ли доволен товарищ из уполитпросвета, но Джон Бондаренко еще долго гордился своим цирком. Джон считал свою выдумку — одним из немалых завоеваний просвет-работы среди масс.

М. Коварский

ПРИЧИНА

— Чего этот человек третий час в жалобной книге пишет? Неужто столько беспорядков нашел?

— Да нет! Это — брат заведующего. Нарочно книгу занимает, чтоб другие ничего не написали!

КСТАТИ О ШАХМАТАХ

Такого увлечения шахматами, какое сейчас царит в нашем Союзе, еще никто и никогда не видел. Играют решительно все и при всех условиях. Младенцы с деревянными королевами в зубах вместо сосок уползают от матерей, престарелые деды умирают на шахматных досках, а отцы семейств меняют жен и детей на каждую завалящую пешку.

Играют по телефону, по памяти, по внушению, и типичный разговор в учреждениях построен по такому принципу:

— Николай Петрович, если можно... *ЦЕ ЧЕТЫРЕ...* Передайте мне... *Е ВОСЕМЬ...* папку, в которой... *А ШЕСТЬ...* лежит это самое... *К ДВЕНАДЦАТЬ...*

— Идите вы... *Е семь...* К чорту... *Д плюс...* Дорогой мой... *А два...* Видите, что... *Б три...* Я занят, как... *В девять...*

Заслужить чье-нибудь внимание возможно только путем шахматной идеологии. Можете доказывать, что вы спасли две армии от дождя, построили переносную Эйфелеву башню, изобрели порошок от мануфактуры или приготовили чертеж для рационализации очередей — никто не обратит на вас внимания.

— Подумаешь... Треплется тут со своими открытиями, а сам от извозничьей лошади мат в два хода получить может... Тоже, нашелся...

Мне лично это увлечение очень нравится. Во-первых, шахматы гораздо лучше, например, футбола, ибо нужно найти очень уж темпераментных шахматистов, чтобы партия закончилась переломом ноги, а во-вторых, при шахматах головная работа легче: ей не приходится выносить удары ничем тяжелым. Шахматы значительно лучше и тенниса, ибо не требуют белых брюк, что очень дорого, кропотливо и подозрительно зимой. Я даже не сравнил бы

шахматы и с боксом, хотя бы уже потому, что играющих не приходится обводить веревками и обматывать полотенцами. А если и приходится, то только в тех случаях, когда партия переходит в личные счеты и побежденный старается стулом довершить то, что ему не удалось провести при помощи комбинации из туры и двух пешек.

Особенно же мне нравятся шахматы еще потому, что я сам не играю и отмеченное мною увлечение никак не отзывается на моем физическом и духовном организме. В шахматной области я настолько хладнокровен, что даже при криках на улице о чьей-нибудь турнирной победе я не только не сбиваю прохожих под авто и извозчиков, но даже не вырываю газету зубами из рук изумленного газетчика. Многих поражает мое хладнокровие, но я не горжусь. Просто — выдержка.

Однако, как посторонний наблюдатель, не столько волнованный, сколько замиравший от ужаса при созерцании четырехчасовой партии, я хотел бы поделиться некоторыми советами с наиболее неисправимыми шахматистами.

Мне, например, казалось все время, что какое-нибудь получасовое раздумье над продвижением пешки — просто профанация серьезной игры. Разве, если мы захотели бы передвинуть что-нибудь другое — ну, возьмем хотя бы стенку в ванной — мы позволили бы себе просто ткнуть пальцем и пойти дальше? Почему же мы всего лишь полчаса уделяем из нашего занятого времени на пешку?

Поэтому лучше всего перед ходом, если от него зависит исход партии, честно сказать партнеру:

— Извините, это вам не шуточки... Сам я что — ткну, а потом отвечай...

— Так что же вы хотите, — возмутится партнер, — чтобы я за вас сходил?

— Нет, не вы... А вот у меня в Сызрани приятель один... Зубной врач... Гинеколог, так сказать...

— Так вы что — зубы рвать хотите?

— Зубы — не зубы, а посоветоваться бы не мешало... Пошлю-ка я ему открыточку... Он насчет пешковых ходов большой знаток...

Конечно, мне скажут, что ответ из Сызрани придет не раньше трех суток, но в конце-концов, если над партией сидят четыре часа, почему над ней не посидеть и неделю? Шахматный хороший игрок, как кирпич — не пьет, не ест, платья не изнашивает: почему ему не сидеть? Говорят, что в Исландии был один шахматист, который по дороге в лавочку, будучи 23 лет от роду, забежал к приятелю и засел за шахматы, а когда встал, то поправил седую бороду и ушел домой при помощи младшего из собственных внуков.

Не очень понятно мне также спокойствие многих из игроков во время сложных партий. Не раз я уже наблюдал, как самая горячая партия заканчивалась всего лишь опрокидыванием стола и ударом ноги по самовару-хозяйке квартиры. К чему такая сдержанность, когда всегда под рукой есть мясорубка, глиняный бюст Рубинштейна или чемодан с книгами для того, чтобы в конце партии гость обеспечил себе место в тюрьме, а хозяин в крематории?

А в остальном — шахматы мне почти понятны и современное увлечение я вполне разделяю. Не даром, когда мне предложили пойти к одному приятелю, у которого дома все играют в шахматы, я вежливо поблагодарил и сказал:

— С большим удовольствием... я уже давно нигде не спал вне дома...

Л. Арбатский

САТИРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

журнала **СМЕХАЧ** журнала

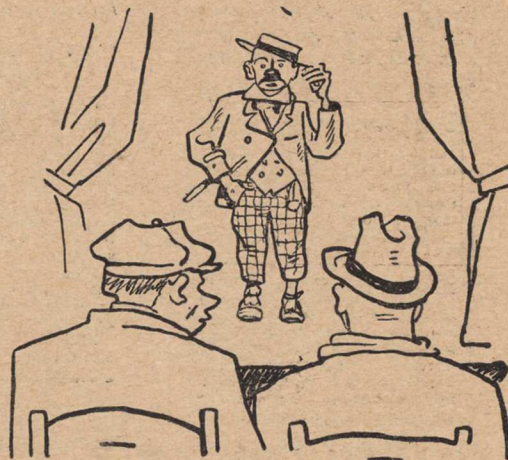
Ближайший выпуск:

Валентин Катаев — „Бездельник Эдуард“

Цена 15 коп.

ПОД-ХА-ХА-ХА-ЛИМЫ

Рис. П. М.

— Стареется куплетист, а никто не улыбается.

— Да... не то, что у нас на службе. Едва начальник хихикнет, как все мы разом: „Ха-ха-ха! Хи-хи-хи!“

И начался полный „Разгром“
Фадеева...

просит лично зайти авторов „Войны и мира“, а также „Обрыва“ для переговоров о срочной переделке их вещей в сценарии. Свободные сценаристы заняты в Совкино.

ЗНАКОМОЕ ЛИЦО

Против Охотного ряда, у церкви Параскевы Пятницы, небритый человек в финке со спускающимися на барашковый воротник наушниками остановил Крынкина и очень громко сказал:

— Товарищу Крынкину почтение.

Крынкин рассеянно кивнул головой и хотел было пройти дальше, но человек в финке загородил ему дорогу, ухватил за руку и энергично потряс ее.

— Давненько вас, товарищ Крынкин, не видно было. Уезжали куда, что ли?

— Кто бы это мог быть? Удивительно знакомое лицо! — подумал Крынкин, близоруко вглядываясь в его мохнатые брови, щетинистые усы, в выпирающие широкие скулы: — где я его видел?

— Мда... давно... уезжал, знаете, и вообще... сказал он и недоуменно поморщился, — кто же он, все-таки? И что за дурацкая память стала.

Но память решительно отказывалась служить, и сколько не силился Крынкин вспомнить, где же он в конце концов видел неизвестного, из этого ничего не выходило. Человек же в финке обнаруживал упорное желание завязать разговор.

— Спросить разве фамилию? — подумал Крынкин: — нет, совестно. Авось, вспомню.

— Ну, а вы как? — задал он наводящий вопрос.

— Я что, ничего, по-маленечку, — сказал человек в финке.

— Фу, чорт, — выругался про себя Крынкин: — вот и пойми, как с ним держаться? И кто знает, кто он? Эге, эге, — решил он, снова приглядываясь к неизвестному, — да ведь это товарищ... как его... ну да, из Главтекстиля. Ну, ясно, что он...

Товарищ из Главтекстиля, фамилия которого также, точно на зло, не вспомнилась, был шишка и притом очень и очень значительная. На всякий случай Крынкин сделал почтительное лицо и радостно воскликнул: — Очень рад. Ужас-

СЛОВО и „ДЕЛО“

Рис. Н. Р.

— Говорят, что мы только на словах строим кооператив. Ничего подобного: Мы уже давно приступили к делу!

но рад, что вас встретил... Поверите ли, все собирался навестить вас и...

— Нет, не он — остановился Крынкин: — ясно же, что не он. Тот бритый, а этот... А он, дурак, еще рассыпался... И перед кем, может-быть перед какой-нибудь мелкой сошкой.. Ну конечно — Крынкину опять показалось, что он узнал неизвестного: — это же Хорин из бухгалтерии. Он, он. Тьфу, досада какая. Столько любезничать бог знает с кем!

— И чего вы пристали, мне некогда, — резко сказал Крынкин: — если по делу, то можно и в учреждении...

Он недовольно отвернулся, и вдруг мучительное сомнение опять овладело им. А что если это не Хорин? И факт, что не Хорин. Только такая слепая курица, как он, могла принять этого человека за Хорина. Но тогда кто он? А вдруг он в первый раз не ошибся и это, действительно, товарищ из Главтекстиля?

Он снова вгляделся в неизвестного. — Так и есть! Товарищ из Главтекстиля. А он, осел, еще нахамил. Некогда ему, подумаешь, вождь какой, государственными делами занят. Чело-

век к нему нисходит, останавливает на улице, как равного, а он?

Человек в финке все еще стоял около него и неопределенно улыбался. В улыбке его Крынкину померещилось что-то зловещее, и он сразу похолодел.

— Я, тово, знаете, пошутил — криво усмехнулся он — помиуйте, такая редкая встреча... Нет, нет, батенька, — Крынкин судорожно схватил его за рукав. — Так я вас и отпустил. Как хотите, а извольте ко мне на обед. Возьмем сейчас извозца и едем...

Человек в финке растерянно сказал:

— Да я...

— Нет, нет, — горячо перебил Крынкин, — ни за что не отпущу. Жена все время мечтала познакомиться. Все настаивала — пригласи и пригласи к нам. Такая встреча, такая редкая встеча, — бормотал Крынкин.

— Я что ж, я могу... — сдался неизвестный.

— Ну спасибо, голубка, ну, утешил! — восторженно сказал Крынкин: — вот жене радость-то...

— Вывернулся — облегченно подумал он: — славу богу, принял за шутку...

Он нежно взял неизвестного под руку и неожиданно заметил: барашковый (он принял его за каракулевый) воротник был сильно потерт и местами выпускал вату.

— Опять ошибся, — вздрогнул Крынкин: — несомненно, ошибся. Разве может быть на таком человеке драное пальто? Да будь ты хоть тридцать раз коммунист, теперь не восемнадцатый год, чтобы в рваном пальто ходить. А усы? А нос? И нос не похож вовсе. А он, дурак, еще на обед позвал. А все память!

Крынкин глотнул воздух и в полном отчаянии спросил:

— Послушайте, никак не вспомню. Где мы с вами встречались?

— Неужто запамятовали, — удивился человек в финке: — который год пользую. Банщик я — пояснил он и, не понимая, что такое внезапно стряслось с Крынкиным, замер с открытым ртом.

И. Свэн

СЫНОВЬЯ ПОДКАЧАЛИ

Рис. Н. Радлова

Предлагается обеспечить потомков Л. Н. Толстого пенсией.

Из газет.

ИЛЬЯ ЛЬВОВИЧ ТОЛСТОЙ (перекрикивая остальных Львовичей): — Караул! Они хотят захватить Львиную долю!

ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ

Как-то о новой сорочке мечтаю,
(Тут — запятая.)
В ГУМ'е узрел я фасон обстоятельный!
(Знак восклицательный.)

Праздных речей без нужды не болтая,
(Вновь запятая.)
Встал я в хвосте, как другие и прочие...
(Многоточие.)

— Боже мой!.. — рядом шептались две „шлычки“
(„Шлычки“ возьмите в кавычки).
— Скупят-ли наши фасон удивительный?..
(Знак вопросительный.)

Время часы отбивало пятою...
(Точка с большой запятой).
Выпал приказчик: „Нет больше сорочек!..
(Точки на несколько строчек)...

Пискнули „шлычки“, стоящие рядом:
„Есть!.. Мы доставим вам на дом!..
Сами-ж вы видели... диво сорочка!..
(Точка).

Так без обнова я мерю бульвары,
Думая паки и паки:
— Ах, если-б только на наши товары
Не... препинания знаки!

М. Андр.

МАША

Крюковым рекомендовали приходящую домашнюю работницу Сизовы.

Через несколько дней к Крюковым пришла Маша.

— Вам требуется прислуга? Вот меня прислали.

— Садитесь, пожалуйста, — сказала Крюкова, — давайте с вами договоримся. Нас двое, одна комната, значит, утром завтрак, уборка, стирка белья. К 4 часам обязательно обед. Вот и все.

— Хорошо, — сказала Маша...

— Мы с вами будем жить дружно, работы у нас немного — всего двое. Сколько вам там платили?

— Двадцать.

— Ну, и я вам буду платить двадцать! На этом и попрощались.

В среду с утра Маша вскипятила молоко на примусе, передела тарелки и стаканы и на завтрак приготовила яичницу с ветчиной.

— Как ваше имя и отчество? — спросил у нее Крюков.

— Да Маша и Маша, а по батюшке никто меня и в жизни не звал.

— Нет, вы скажите, — сказал он почти строго — вот меня зовут Сергей Павлович, а вас как?

— Ну, Николаевна...

— Значит, Мария Николаевна...

Ровно в четыре Крюковы обедали. Когда Маша подала на стол две тарелки грибного супа, Софья Павловна спросила:

— А себе?

— Я уж потом, после вас!

— Нет, нет — запротестовал Крюков. — Садитесь, пожалуйста, с нами за стол.

— Да не привыкла я так, — говорила Маша, — я после вас в сторонке пообедаю.

— Что за глупости? Это нехорошо. Должны обедать с нами за общим столом, — сказала жена Крюкова.

— Да я который год в прислугах, считай лет шестнадцать, и ни разу с хозяевами за единым столом не ела.

— Мало, что с другими хозяевами, а вот с нами будете. Что вы, не такой же человек, как и мы...

И Маша села.

Когда за обедом Крюков читал по обыкновению газету, жена заметила:

— Вечная история, как за стол — так и газета. Если бы ты знал, как это раздражает...

— Ну, ладно, ладно, не буду, только не сердись, — ответил он и произнес торжественно: — Котлеты, Марья Николаевна, у вас на ять!

А когда в тарелках зазолотился компот из сушеных фруктов, он воскликнул:

— Такого компота я с'ел бы десять тарелок!

— Компот, действительно, очень вкусный и суп тоже! — похвалила и Софья Павловна.

Маша сказала с некоторой гордостью:

— Я хоть не повариха, но готовлю роскошно.

Крюковы были очень довольны Машей. Вкусные обеды, чистота в комнате и выстиранное ею белье блестело, как снег на горной вершине. Все было хорошо, только одно было неприятно — это каждый раз перед обедом упрашивать ее есть вместе с ними за общим столом.

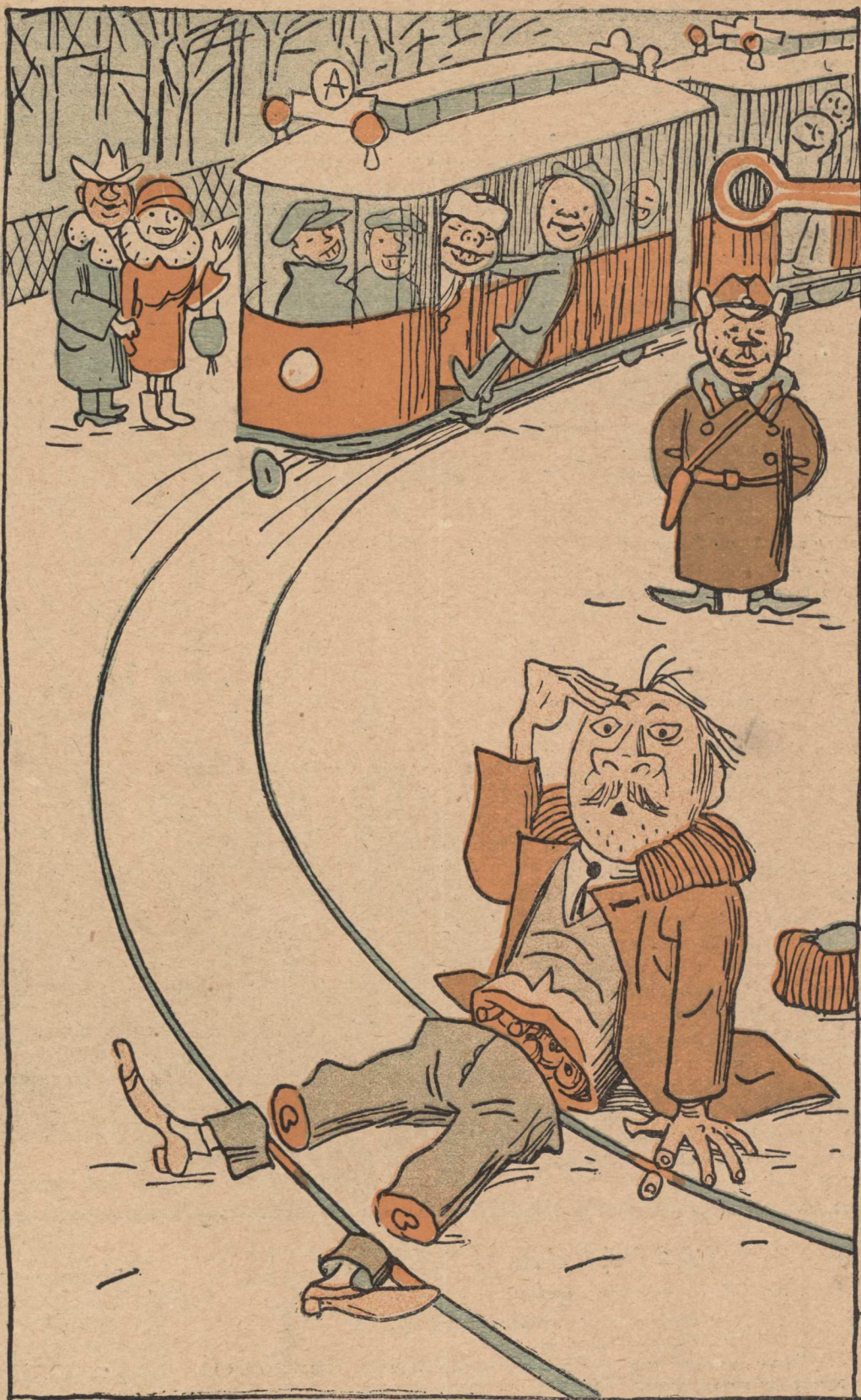
— Никак не могу привыкнуть, — жаловалась она, — вы люди другие, а я другая.

— Да что вы — из другого теста сделаны, что-ли?.. — с раздражением говорили Крюковы. — Надо уважать свое человеческое достоинство...

ПЕШЕХОД-НЕДОТЕПА

Рис. Б. Малаховского

Ленинградский губисполком выпускает 12 заповедей пешеходного движения.

— Ох, я дурак — десятую заповедь забыл!

Однажды на своем письменном столе Крюков нашел незапечатанный конверт. На конверте был недописанный адрес: „Деревня Макеево, Смоленской губернии...“ Должно-быть, Маша забыла. „Интересно знать, что она пишет, у нее очень образные словечки попадают!“ — подумал он и вытащил оттуда листочек, исцарапанный большими буквами и прочел:

„Любезная сестра моя Евдокия. Сейчас я на новой службе, получаю 20 рублей. Так мне хорошо живется, только хозяева уж очень скупые. Обязательно сажают с ними за общий стол и иначе не позволяют есть, а хозяйка так даже приказала своему муженьку не заставляться газетой, когда обедаем, чтоб, значит, и он следил бы, сколько я с'едаю. Так бы ничего, а вот с харчами — прямо беда, думаю менять место...“

Б. Левин

В ЧЕМ НЕСООТВЕТСТВИЕ?

Результаты конкурса (см. № 49 „Смехача“ за 1927 г.)

Как помнят читатели, на эту тему был предложен конкурс в № 49 „Смехача“ по поводу помещенного на последней странице рисунка художника Б. Антоновского, на котором был изображен:

1. Кооперативный магазин с большим количеством пальто, продавцов и малым количеством покупателей.
2. Совучреждение в 9 ч. утра—со всеми служащими на местах.
3. Пивная с нарзаном на столиках.
4. Охрана труда с заводом, сидящим за столиком у телефона.
5. Приемная зава, пустая, с одиноко сидящей курьершей у дверей, на которых нет плакатика „Простят без доклада не входит“.
6. „Искусство трудящимся“—первые ряды партера с рабочими и дальше с нэпманской публикой.
7. Витрина газетно-журнального киоска, на которой нет „Смехача“.

Ответов получилось такое количество, что несколько дней все подъездные пути к Москве были забиты почтовыми вагонами с письмами в „Смехач“, с биржи труда на сделную работу были приглашены 832 человека специально для вскрытия писем, а секретарь редакции, только наблюдавший за сортировкой писем, чуть не умер от истощения и растяжения нервов.

По вычислениям статистика-спеца, если-бы разложить на земле все присланные с ответами листки почтовой бумаги, конверты, марки и штемпеля, получилась-бы лента длиной в такое пространство, которое может добровольно проехать посланный в командировку, и то если ему назначены хорошие посуточные.

Большинство ответов по существу правильные.

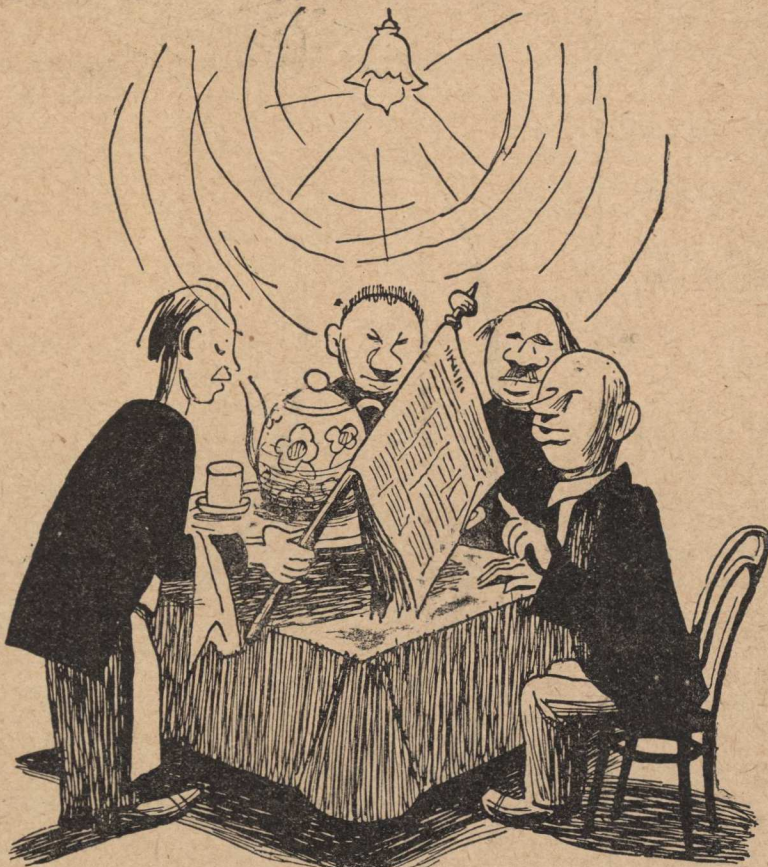
— „Кооператив, в котором имеется запас верхнего платья, торговцы вежливы, как маркизы XVIII века, а посетителей, что кот заплакал“—пишут в ответах—„это не кооператив, а голубой сон невинного отрока, задремавшего на облаке“.

— „Совучреждение, где в 9 часов утра все на местах—это такая музейная редкость, что ее немедленно следует отнести со страниц „Смехача“ в исторический музей и приставить вооруженную охрану, чтобы она не пропала“.

В ЧАЙНОЙ

В связи с нашумевшей статьей М. Кольцова в „Правде“ о необходимости организовать советскую чайную, появился ряд предложений, как напр., бесплатная подача газеты и т. д.

Рис. Б. М.

— А нельзя-ли, вместо газеты, еще кусок сахара?

— „Нарзан в пивной — лирическая мечта неисправимого фантазера, если, конечно, в „нарзане“—не водка“.

— „Двери зава без плаката о запрещении входа без доклада, без ожидающей около них очереди“—хором сообщают нам участники конкурса—„это почти гениальное изобретение. Немедленно берите на него патент“.

— „Театр, в котором рабочие впереди, а нэпманская публика сзади,—это или не театр, а кино, где первые ряды дешевле, или-же несчастный случай с кассиршей, продавшей билеты в этот вечер шиворот-на-выворот“.

— „Киоск без „Смехача“ это такое-же редкое явление“,—утешают нас читатели—„как заяц с рыбьим хвостом“.

Были, конечно, и странные ответы, говорящие о большой расхоженности читателей.

Так один из конкурсантов из Омска пишет, что он не видит никакого несоответствия в рисунке, где нет в киоске „Смехача“.

— „А вдруг его кто-нибудь купил—вот и все“—пишет недоумевающий омич.

Большинство ответов—одинаковы. Очевидно, художник несоответствие взял настоящее.

Первый десяток читателей, всех быстрее решивший конкурс и приславший ответы:

Митин — из Новочеркасска, Ключарев — Москва, Беркович — Иркутск, Гладковский — из села Колясина, Одобинский — рабкор „Гудок“, Попов — Чита, Юркин из Минска, Петрова из Звенигорода, Тарасов — Ростов н/Д. и Милля Кольчина из Омска (Милля 12 лет, как она сообщает. Молодец девочка!)

Им и остальным 90 решившим—премии по 2 книжки библиотеки „Смехача“ бесплатно рассылаются.

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

Н. А. Некрасов когда-то сказал:

„От ликующих, праздно болтающих...
Уведи меня...“ и т. д.

Если-б великий поэт мог прочитать заголовок статьи, помещенной в газете „Красная Армия“ (Харьков) № 236, а именно:

Н. А. НЕКРАСОВ.
(Род. 1891—ум. 1877 г.).

— он „уточнил“ бы приведенную выше цитату следующим образом:

...Уведи меня от ликующих и праздно болтающих о том, что я умер прежде, чем родился...

От какой такой причины много падает скотины? На эту тему в журнале „Жернов“ (№ 17) В. Масиным написана пространная ветеринарная поэма:

Чтоб собаки не могли И вперед постановить,
Вырыть трупы из земли, Чтоб не только поросенок—
Надо селской сход собрать, Ни куренок, ни грачонок
Пададь всюду подобрать, Дохлый часа не валялся,
На могильнике зарыть А на яму отправлялся.

Никакое, самое строгое, постановление не заставит дохлого поросенка, равно как и куренка, и галченка, после своей смерти на яму отправляться.

Можно писать „ветеринарные поэмы“, но пишущим такие поэмы надо твердо помнить, что читать их будут не лошади, коровы и свиньи, а рядовые — двуногие — читатели.

Скучно зимой южному физкультурнику. Об этом пишет собственный корреспондент журнала „Физкультура и Спорт“ (№ 2):

Где-то на севере играют в хоккей, выводят коньками искусные фигуры на льду, катаются.

А у нас—на солнечном подножном юге—о хоккее знают только по фотографиям, о лыжах совсем не думают и не имеют даже квадратной сажени, где можно было бы прокатиться на коньках.

К этому воплю имеется такая приписка:

ОТ РЕДАКЦИИ. Интересно было бы услышать, что по этому поводу думает ВСКФ Украины.

В самом деле: что он себе думает? Не пора ли положить конец теплым погодкам на юге, мешающим южным физкультурникам предаваться лыжному спорту?

Кстати о физкультуре.

Журнал „Спартак“ (№ 46) учит своих читателей, как незаметным образом вклинивать физкультуру в быт:

Вместо висенья на подножке трамвая—можно сделать бодрящую прогулку пешком на службу и обратно.

Нам известен еще один способ незаметного вклинивания физкультуры в быт: вместо висенья на подножке трамвая, можно сделать бодрящую прогулку пешком на Солянку, 12, во Дворец Труда, и там подписаться на журнал „Смехач“.

Как известно, за висенья на подножке трамвая полагается один рубль штрафа.

Висенья раз в неделю на подножке трамвая вам обойдется в 52 рубля в год.

Получение на дом раз в неделю журнала „Смехач“ (да еще с 12-ю бесплатными приложениями!) вам обойдется в... 6 рублей в год.

Что выгоднее и дешевле—судите сами!

40 ЧЕЛОВЕК И 8 ЛОШАДЕЙ

ШУЙСКИЕ ГОЛОВОТЯПЫ

В рождественские морозы, когда Реомюр показывал 20 градусов ниже нуля и городские мостовые покрылись глубоким снегом, горсовет г. Шуи опубликовал в местной газете „Сerp и Молот“ следующее категорическое заявление:

РЕМОНТИРУЙТЕ МОСТОВЫЕ!

Согласно обязательного постановления горсовета, предприятия, находящиеся на хозрасчете, должны ремонтировать мостовые. Но до сих пор в этом отношении ничего не сделано.

Поэтому горсовет категорически предлагает всем организациям в недельный срок выполнить обязательное постановление № 14.

Винновыне будут привлечены к ответственности.

Своевременно также, как только река покроется льдом, немедленно издать приказ, запрещающий мужскому полу купаться на реке в местах, отведенных для женщин.

В виду наступления морозов, предложить учреждениям, находящимся на хозрасчете, разводить перед зданиями цветочные клумбы.

Копии шуйских приказов направлять в „Смехач“ для привлечения к авторам оных внимания со стороны врачебного надзора.

ГРАНД-РЕКЛАМА

Гейне из Тамбова поет:

Ночь покрыла мраком горы,
Весь Мадрид вкушает сон.
Вереницей мрачной, длинной
Выступает грандов строй.
Впереди спешит, пылая,
Дон унылый — Альманзор.
Он поет, струной бряцая,
Всякий вздор...

Нам сообщают, что этот самый дон из мрачной стаи грандов допер до Киева.

Киев был декорирован недавно такими афишами:

ПОКАЗАТЕЛЬНАЯ ГАСТРОЛЬ первой московской „АЛБЫ“ ТЕАТРА КНИГИ

с участием **ОСНОВНОГО ЗАСЛУЖЕННОГО СОЛИСТА** и свободного художника **ЛБВА ДОН-КИРИЛЛОВИЧА.**

Кто наградил этого дона несуществующим в СССР званием „основного заслуженного солиста“?

Когда и где произошло это награждение?

Если при каких-либо смягчающих вину обстоятельствах разные доны и гранды были даже признаны заслуживающими снисхождения, то отсюда до звания „заслуженного“ еще большая дистанция.

КАЖДЫЙ САМ СЕБЕ АВИАХИМ

Рис. А. Радакова

— Чего ты, Дарья... ик... противогаз сделала? Али... к войне... ик... готовишься?
— Да нет, — дух от тебя больно тяжелый!

Издатель — „ГУДОК“.

В БОЛЬНИЦЕ

Рис. И. М.

— Кумовство развели здесь: все одни сестры вон служат!

СИБИРСКИЙ ФОТО-МОНТАЖ

„Советская Сибирь“ поместила фотографию, изображающую группу делегатов пятнадцатого партсезда, во главе с т. Сталиным.

Под снимком подпись:

„Делегаты сезда слушают доклад Сталина“.

То, что делегаты пятнадцатого партсезда слушали, — и притом очень внимательно слушали! — доклад т. Сталина, непреложная истина!

Однако, никто не поверит фотографу „Советской Сибири“, что т. Сталин, сидящий, как видно из данного снимка, в первом ряду, рядом с товарищами Рыковым, Бухариным, Ворошиловым, слушал... свой собственный доклад.

Это несколько преувеличено. Это — легенда.

„Есть у нас легенды, сказки“... но еще больше — легендарной журнально-газетной неряшливости.

ИКОТНО-ИКОННЫЙ ЯЗЫК

Тургеневским, можно сказать, языком описывает костромская газета (№ 117) праздник ленинского уголка:

Ленинский уголок был **РОЗОВО ВЫБЕЛЕН, УКЛЕЕН** плакатами, **ВЫРАЖАЮЩИМИ** жизнь вождя, два портрета которого, **ОДНОГО СНИМКА**, но разных размеров, **ИКОТНО** красовались в уголке“.

Умри, Денис, лучше не напишешь!

А если не умрешь, то газету, во всяком случае, угробишь!

Товарищи редакторы! Просим нас прислать два портрета автора этого произведения, одного снимка, но разных размеров Пусть они и коно красуются на страницах „Смехача“.

Противная, должно быть, физиономия!

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Здесь. — Завканду Тарасу Пол-еву.

В ответ на ваше стихотворение за № 27/2, честь имеем сообщить что означенное стихотворение после проработки, увязки и согласования отправлено, на основании постановления редколлегии „Смехача“ (см. протокол № 16/6), в корзину, каковая ждет ваших дальнейших посылок, что подписью с приложением печати сям удостоверяю.

Здесь. — Джону.

„Прошу вас меня исправить и выпустить в свет“.

Вы обратились не по адресу. У нас не исправдом. Подайте прошение, куда следует, — быть может, вас выпустят, по амнистии.

Одесса. — Богатому.

Не в Мадриде ли вы родились? Почему вы считаете необходимым „испанизировать“ обыкновенный русский язык?

Например:

— Ваш билет! — обратилась кондуктрисса к молодому человеку...

Дальше мы не читали, но, вероятно, прочли бы следующее:

„Затем кондуктрисса обратилась с таким же вопросом к пассажирессе, висевшей на подножке, но тут появился милиционер, исполнивший на свистке тарантеллу, после чего пассажиресса уплатила несколько пезетов (1 р. серебром) штрафа“ — и так далее...

Отв. редактор — И. Н. Пирогов.

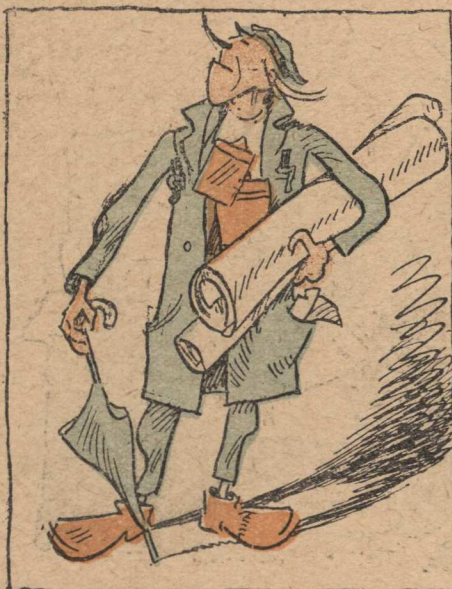
1940 г.

Арт. № С/10/24

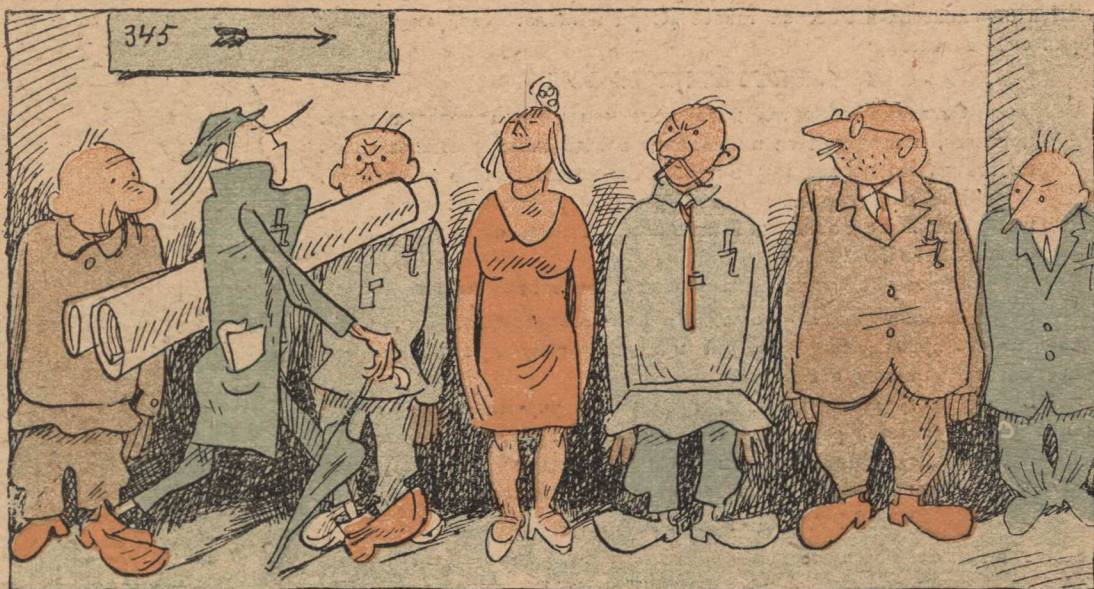
Рис. Б. Антоновского

ЕВЛАМПИЙ НАДЬКИН—РАЦИОНАЛИЗАТОР

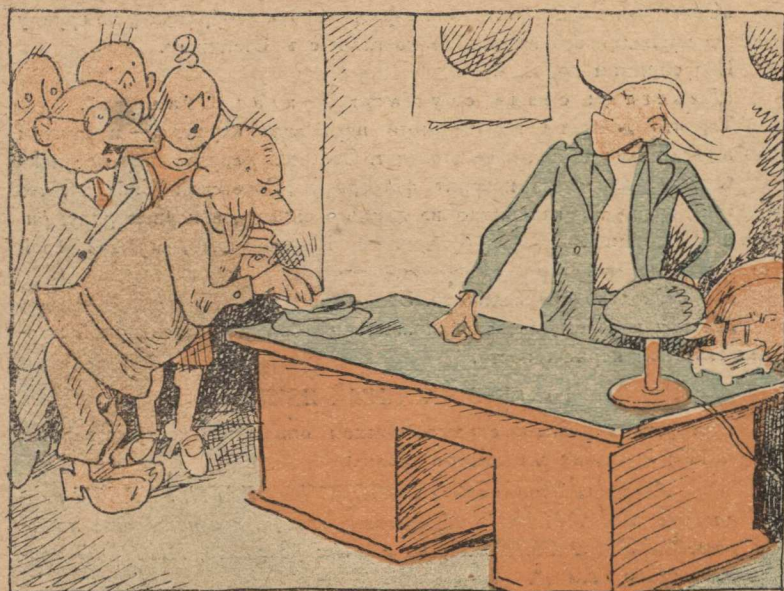
Текст А. Ф. Акмеля

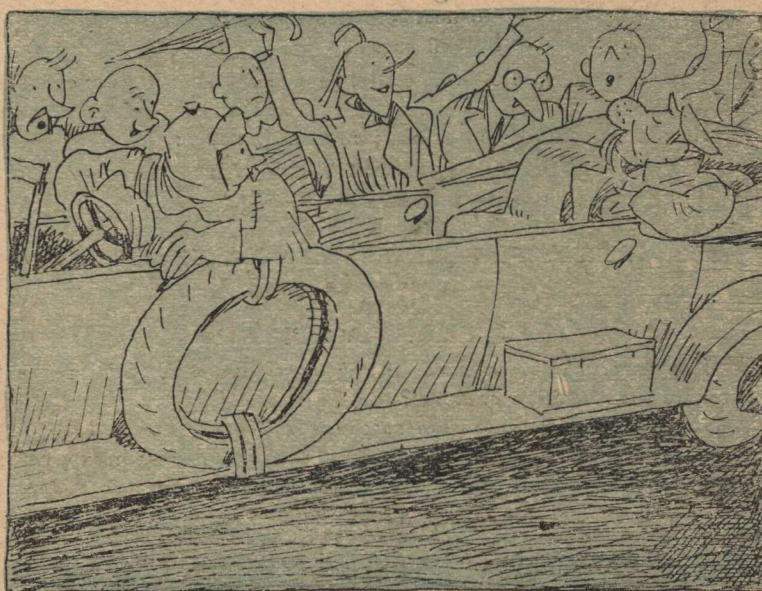
1. Евлампий нынче стал не тот.
Евлампий нынче пущен в ход.
Он — шипка. Он — новатор.
Ра-ци-о-на-ли-за-тор!

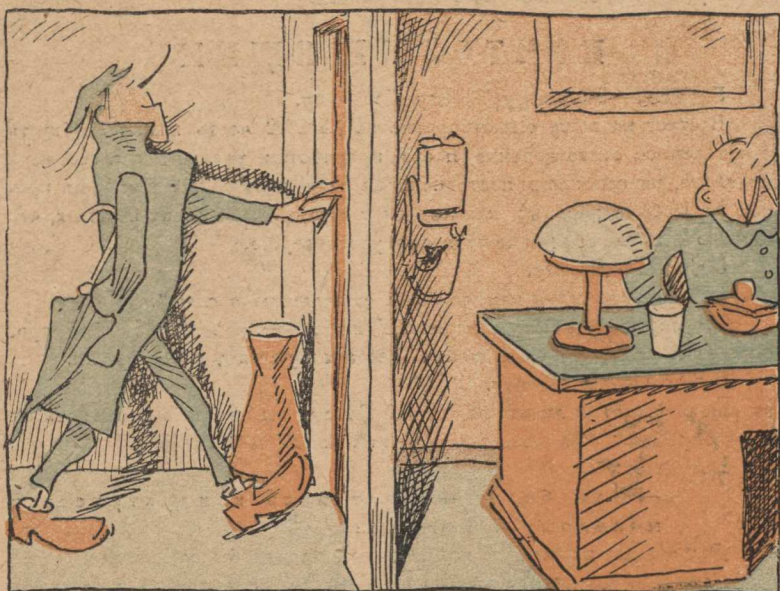
2. Под'емля этот новый крест
Евлампий Надькин входит в трест:
От зава до курьера
Все в струнку у барьера!

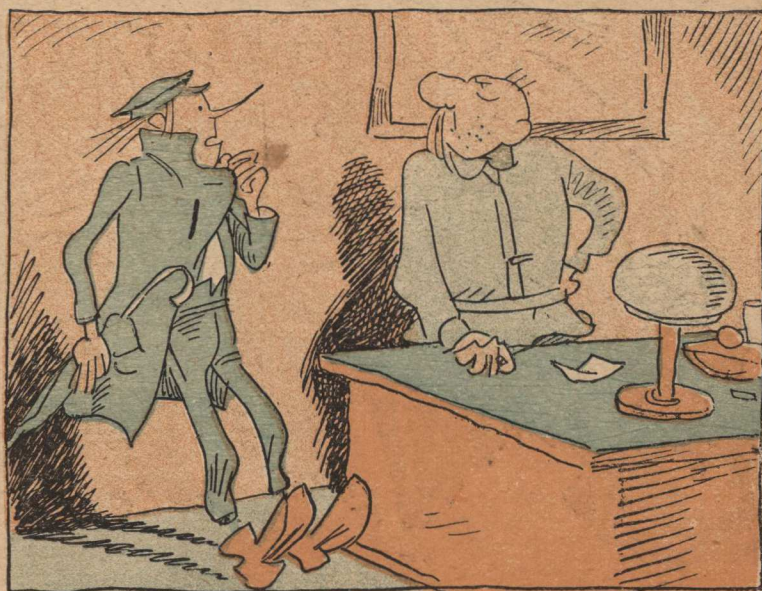
3. — Какая должность — и кому —
По средствам, силам и уму
Мы разрешим скорее
Посредством лотереи!

4. Крушение стажей и карьер:
Вдруг „зава“ вытащил курьер!
С почтеньем выдвиженца
Сажают скопом в „Бенца“.

5. Евлампий Надькин горд, как лорд:
Рациональности рекорд!
Не ждать-же волокиты
От серого Микиты!

6. Евлампий входит в кабинет..
Но вдруг вчерашний шпингалет
Ему под нос руладу:
— Вы как-же без доклада?